

Голоса шепчут и шипят и пытаются что-то сказать ему, и он не может их понять, но острая вспышка страха, крещендо шепота в крики, прежде чем они погрузятся в оглушительную тишину, не приходит. Голоса потрескивают и превращаются во что-то другое. Энергия. Сила. Разрушение.

Он в темноте, как и всегда, но Асока там. И чудовище там.

Темнота перемежается вспышками фиолетового и синего.

Он и есть чудовище.

Он наблюдает за монстром.

Та часть его, которая является монстром, видит ее—любовь, свет и прощение—и отвергает яркий сверкающий кинжал боли, который угрожает пронзить то, что осталось от его души. Он ненавидит ее любовь, ее доброту, ее доверие. Если она умрет, все его сомнения умрут вместе с ней.

Та его часть, которая является чудовищем, хочет положить конец этому фарсу, пантомиме, этому спектаклю в память о человеке, который умер. Мертв и исчез.

Тогда ты умрешь.

Та его часть, которая наблюдает за монстром, стоит так далеко, так далеко и может только протянуть руку, беспомощную и одинокую, к своему Падавану, к самому себе.

Остановка. Не. Так не должно быть.

Но они его не слышат. Он не может говорить. Возможно, его там даже нет.

Они оба потеряны для него, или он потерян для них; он не может остановить монстра.

Энакин проснулся с потным, болезненным чувством страха, которое всегда охватывало его, когда его посещал сон о Люке и Лее, поддающихся голубому пламени. Этот сон об Асоке был другим и в то же время тем же самым. Несколько мгновений он смотрел в потолок, пытаясь выровнять дыхание, приказывая себе успокоиться. Только сон, только сон. Падме не шевелилась, и он не хотел ее будить, но он не хотел лежать один в темноте, думая о том, что это может означать.

Он встал и тихо оделся, прислушиваясь к тихому дыханию жены, мирно спящей (он надеялся) в их постели. Разбудив Арту от маломощного сна маленького дроида, он вышел из дома. Арту сонно жужжал у него за спиной, когда он шел по улице в прохладные ранние утренние часы.

Он мог бы взять свой спидер, но не захотел. Небо не было зловеще темным; сверкающие булабочные уколы миллиардов звездных систем, глядящих на него сверху, и стрекотание ночных сверчков, поющих в такт далеким огням, создавали впечатление, что звезды наверху разговаривают с ним. Если бы он прислушался к своему разуму, то смог бы услышать голоса, которые составляли живую силу, шепчущие ему из далеких миров в низком, постоянном гуле.

Он смутно помнил, как долгое время этот гул был приглушен, сменившись пустым эхом в его голове и ровным "ууууу" механического дыхания. Но вдали от болота кошмарного пота он не был расстроен этим воспоминанием. Это было слишком давно, слишком похоже на сон, нереально. Он почти почувствовал жалость к тому другому "я", которое все еще приходило к нему во сне и называло его слабым.

Рассвет был далеким обещанием за горами, и стоял пьянящий запах любимых ночных цветов жителей Брилдена, растущих на лужайках перед домом и в цветочных ящиках его соседей. Он проходил мимо домов людей, чьи дети играли с его детьми, и мысленно отмечал их имена, когда шел. Длинные кроваво-красные лозы цветка Осы обвивали каменные ограды и поднимались по шпалерам; их цветы слабо светились в темноте, пятна белого, бледно-зеленого и желтого.

Он вспомнил слова Оби-Вана, сказанные несколько часов назад. Это было действительно идеальное время для ночной прогулки. Осаллао был прекрасен в это время года.

<http://tl.rulate.ru/book/23863/1442801>